

«ФИГУРА НАБЛЮДАТЕЛЯ» В ГРАММАТИКЕ

В статье анализируется «фигура наблюдателя» как субъекта восприятия и оценки в рамках актуализации различных грамматических категорий, уточняется, что наблюдатель описывает коммуникативную ситуацию, опираясь на прагматические, социокультурные и психологические факторы.

Ключевые слова: фигура наблюдателя, коммуникативная ситуация, сознание наблюдателя, единственное и множественное число.

При рассмотрении того, как абстрактную систему знаков использует конкретный говорящий (и описывает конкретный лингвист), языкознание вступает в область, пограничную не только с психологией и прагматикой, но и с современной физикой, где на первый план выдвигается наблюдатель и соответственно возрастает роль субъективного начала. «Антропный принцип, утверждающий потенциальную значимость будущего наблюдателя самого начала той Вселенной, в которой мы живем, среди нескольких возможных следствий может иметь семиотические и лингвистические: предполагается наличие у наблюдателя средств сообщения о наблюдаемом и соответственно эволюция, направленная на то, чтобы их выработать»¹.

В лингвистике понятие наблюдателя было введено в лексикографическую практику как компонент толкования некоторых пространственных и параметрических имен, а также глаголов типа *показаться, маячить, белеть*. Действительно, наблюдатель является одним из участников ситуации, описываемой глаголом *показаться*. *Показаться* всегда значит 'начать находиться в поле зрения кого-то', хотя кого – не сказано; этот кто-то и есть наблюдатель. Наблюдатель – это субъект не только восприятия, но и оценки, субъект сознания в самом широком смысле этого слова.

Это понятие фигурирует в работах Ю. Д. Апресяна²; ср. примеры из его работы³: *На дороге показался всадник* – фраза предполагает, что его (всадника) кто-то увидел. Поэтому невозможно: **На дороге показался я*. Однако ср.: *Иван говорит, что я показался на дороге совершенно неожиданно*.

Е. В. Падучева называет фигуру наблюдателя «одним из самых увлекательных понятий современной лексической семантики»⁴

и пишет о том, что в речевом режиме интерпретации (например, в диалоге) роль наблюдателя выполняет говорящий, в нарративном – повествователь; в синтаксическом, то есть в составе подчиненного предложения, – субъект главного. Поэтому случай, где говорящий одновременно и объект, и субъект восприятия, звучит нелепо, но предложение, где субъект восприятия не говорящий, а подлежащее главного предложения, вполне осмысленно. В другой работе Е. В. Падучева⁵ отмечает, что широкому употреблению в лингвистике термина 'наблюдатель' есть оправдание в обычном употреблении этого слова, ср.: *Одно только можно было заключить постороннему наблюдателю, если бы таковой тут случился: что, судя по всем вышесказанным, хотя и немногим данным, князь все-таки успел оставить в доме Епанчиных особенное впечатление* (Ф. Достоевский «Идиот»).

Фигура наблюдателя оказывается полезной при описании глагольных грамматических категорий – вида и времени. Если фраза с глаголом несовершенного вида *Тропа кончалась у реки* только констатирует объективное положение вещей, то совершенный вид, помимо того, сообщает, что данное положение вещей было зарегистрировано сознанием перемещавшегося по тропе наблюдателя – *Тропа кончилась у реки*⁶.

Понятие перспективы объясняет числовое поведение английского существительного *sunflower seed*:

I offered the guests sunflower seeds (как pluralia tantum);

Но: I gave the canaries sunflower seed.

Так же, как: I bought 2 kilograms of sunflower seed.

В первом случае говорящий становится на позицию едока, потребляющего семечки одно за другим; во втором случае говорящий рас-

сматривает семечки как массу, не отождествляя себя с птицами.

О. Н. Ляшевская⁷ использует компонент 'сознание наблюдателя' для характеристики нестандартных семантических различий числовых форм существительных типа *край/края, граница/границы, берег/берега*.

Понятие 'граница' относится к базовым, ибо именно граница организует пространство, придает ему законченность и оформленность. Существительное граница обозначает два вида пространственных объектов: 'линия-отрезок, разделяющий две территории' и 'замкнутая линия, отделяющая какую-либо территорию от остального пространства'. Множественное число этого существительного (имеющего лексическое значение 'замкнутая территория') может быть «семантизировано» как 'множество примыкающих друг к другу отрезков'. Именно поэтому возможно *Западные границы России*, но неправильно: **Китайские границы проходят по реке Амур*.

В случаях: *У того моста проходит граница; посмотреть в сторону границы* – невозможность замены единственного числа на множественное определяется тем, что, являясь действующим лицом ситуации, человек локализован в какой-то точке, находящейся вблизи или внутри пространства *граница* и, естественно, не может видеть одновременно нескольких отрезков границы или находиться сразу на нескольких ее участках.

Взаимозамена форм единственного и множественного числа существительного *граница* возможна в случае, если у него заполнена только первая валентность.

Ср.: *Китайская граница/китайские границы охраняются многочисленной и хорошо вооруженной армией*. Формами *граница/границы* здесь обозначается линия, окружающая некоторое государство, город, территорию. В случае если заполнены обе валентности (*граница между Польшей и Германией, китайско-монгольская граница*), это слово обозначает не замкнутую линию, а отрезок: *Граница России с Украиной*.

Синонимия форм допускается, если взгляд на ситуацию является взглядом стороннего наблюдателя, который обзревает огромные пространства и смотрит на ситуацию как бы «сверху». Напротив, замена формы единственного числа на форму множественного числа невозможна в контексте предикатов точечной локализации, то есть при локализации

относительно границы других объектов, неизмеримо меньших, чем граница. *Завод расположен на границе Тамбовской области. В конце концов он добрался до китайской границы / * В конце концов он добрался до китайских границ*.

Невозможна форма *границы*, если точка наблюдения локализуется вблизи границы: *На границе у вас проверят паспорта. *На границах у вас проверят паспорта*.

Ср.: *На границе*

Владений дедовских, на месте том,

Где в гору подымается дорога,

Изрытая дождями, три сосны

Стоят (А. Пушкин «Вновь я посетил»).

Конечно, числовое поведение существительного *граница* детерминировано его лексическим содержанием, это одно из тех слов, чья семантика проявляет ориентацию на субъекта речи.

Аналогично числовое поведение слова *край*. Е. В. Рахилина⁸ обратила внимание на дополнительный оттенок значения, привносимый его числовыми формами. Множественное число предполагает наличие наблюдателя, который прослеживает отдельные фрагменты пограничной поверхности, причем каждый раз направление его взгляда меняется; то есть множественное число передает как раз это множество мест, на которые падает взгляд наблюдателя. При замене же на форму единственного числа меняется прежде всего позиция наблюдателя, который теперь перемещается на сам край и взгляд его движется непрерывно вдоль этого объекта (*Идти по краю поля; С самолета были видны деревья по краям поля*). Ср.: *Даша медленно шла, в синем весеннем пальто, с краю тротуара* (А. Толстой «Сестры»). Ср. также фразеологизм *Передний край*. Как пишет Г. Д. Архипкина⁹, сформулированная закономерность не отрицает возможности интенциональных девиаций (ср. название повести А. И. Солженицына «На краях»).

Существительное *берег* тяготеет к форме множественного числа, когда требуется подчеркнуть удаленность, неопределенность объекта или неясность его очертаний для человека:

...тени легкою толпой

От берегов холодной Леты

Слетаются на брег земной

(А. Пушкин «Люблю ваш сумрак неизвестный...»).

Множественное число этого существительного нередко детерминировано именно позицией наблюдателя:

По каналу, как на улице, сплошное медленное движение судов – тихое, почти бесшумное. По берегам – фигурки рыбаков (Ю. Пименов «На реке»).

Многие случаи нетривиального множественного числа (вместо ожидаемого единственного) получают объяснение с учетом «фигуры наблюдателя». Если говорится: *Завязать шнурки на левом ботинке / Завязать шнурок на левом ботинке*, то это оттого, что в восприятии наблюдателя фигурируют два конца одного шнурка и предмет (шнурок) может восприниматься и как парный, и как единичный. Получается, что влияние на числовое поведение данного существительного оказывает визуальный образ денотата в сознании наблюдателя. Названия таких предметов, как *цепь, повод, шнурок, скакалка* выступают, как правило, в форме множественного числа, если в фокусе внимания находятся их концы; особенно это имеет место, когда концы держат каждый в одной руке (*править поводьями*).

Известно, что и некоторые неконкретные имена в форме множественного числа передают идею «много». Таковы формы *воды, пески, снега, льды*, а также *массы, толпы*. Форма множественного числа *толпы* связана не только с идеей большого количества; в этом случае важен «взгляд с некоторого расстояния»:

*Я увидел приближающиеся толпы народа. Вокруг меня были толпы. Но * В толпах я увидел Машу¹⁰.*

В принципе языковое сознание отправителя речи всегда значимо для выбора числовой формы, однако в отмеченных случаях, детерминированных позицией наблюдателя, эта зависимость предстает как наиболее яркая и явная.

Фигура говорящего, или более точно и глубоко – по В. В. Виноградову – «образ автора», раздвигает границы грамматического анализа, обращает нас к его филологической сущности¹¹. Согласно «Коммуникативной грамматике», позиция «автора», рассказчика, наблюдателя по отношению к событиям (соприсутствие или дистанцированность) и соответственно способ восприятия (сенсорным или ментальным) обуславливают системное использование грамматических средств. В

«Коммуникативной грамматике» разграничено пять коммуникативных регистров: 1) репродуктивный (или изобразительный), где говорящий рассказывает о наблюдаемом, находясь или воображая себя в хронотопе происходящего; 2) информативный, где говорящий дистанцирован от происходящего во времени и пространстве, он сообщает не о наблюдаемом, а об известном ему; 3) генеративный, где говорящий формулирует или цитирует обобщающие высказывания; 4) волюнтаристический, где говорящий побуждает адресата к действию; 5) реактивный, где говорящий выражает эмоционально-оценочную реакцию на увиденное или услышанное.

Интересно обнаруживает себя «фигура наблюдателя» в случаях так называемого «множественного неопределенного». По мысли Е. В. Красильниковой¹², случаи типа «*Встречайте гостей!*» (входит один человек) можно охарактеризовать как примеры «слабой определенности»: «известно говорящему, но неизвестно слушающему». Д. И. Арбатский¹³ причисляет рассматриваемые числовые формы (*У нас гости: мама приехала*) к проявлению множественного гиперболического, что имеет под собой некоторые основания: подобно множественному гиперболическому, такие случаи употребления слова *гости* также передают экспрессивное содержание и придают большую значимость денотату. Однако важно, что в анализируемых примерах множественное число связано с признаком «первого упоминания», что не характерно для множественного гиперболического (наоборот, гиперболическая форма нередко появляется как повтор: – *Я поеду за границу... – Сколько можно по заграницам разъезжать!*). Поэтому логичнее эти случаи квалифицировать не как множественное гиперболическое, а рассматривать в тесной связи с отправителем речи и его интенциями.

Итак, антропоцентрическая установка определяет коммуникативные ситуации: с моментом речи и с самим говорящим соотносятся не только лексические единицы, но и грамматические (морфологические) категории. Учет субъекта восприятия и оценки (в терминологии Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой и др. – «наблюдателя») позволяет объяснить особенности использования морфологических форм, которые вне этого сопоставления представляются немотивированными.

Примечания

- ¹ См.: Иванов, В. В. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М., 2004. С. 159.
- ² См.: Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- ³ См.: Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 24.
- ⁴ См.: Падучева, Е. В. Наблюдатель как эксперимент «за кадром» // Слово в тексте и словаре : сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 185.
- ⁵ См.: Падучева, Е. В. Дискурсивные слова и категории : режимы интерпретации // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. М., 2008. С. 58.
- ⁶ См.: Архипкина, Г. Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа. Ростов н/Д, 2005.
- ⁷ См.: Ляшевская, О. Н. Семантика русского числа. М., 2004.
- ⁸ См.: Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : от сочетаемости к семантике : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. С. 248–249.
- ⁹ См.: Архипкина, Г. Д. Когнитивные основания... С. 197.
- ¹⁰ Там же. С. 166.
- ¹¹ См.: Золотова, Г. А. О возможностях грамматической науки // Вопр. языкознания. 2006. № 3. С. 18.
- ¹² См.: Красильникова, Е. В. Категория рода и числа имени существительного и актуализация именной группы в русской разговорной речи // Актуальные проблемы морфологии. М., 1988. С. 62.
- ¹³ См.: Арбатский, Д. И. Множественное число гиперболическое // Рус. яз. в шк. 1972. № 5. С. 91–96.